

УДК 82-96

Е.Г. Новикова

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И КНИГА С.Н. БУЛГАКОВА «ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА»

Статья посвящена актуальной проблеме взаимодействия русской литературы и русской религиозной философии. В работе выявлено, что существенную роль в формировании религиозно-философской концепции С.Н. Булгакова, в том числе его оригинальной «философии хозяйства», сыграли идеи Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», С.Н. Булгаков, русская религиозная философия.

Книга «Философия хозяйства» (1912) занимает особое место в духовном и идейном развитии замечательного русского религиозного философа С.Н. Булгакова, прошедшего сложный путь «от марксизма к идеализму» [1], а затем – к священству. Эта книга 1912 г. синтезировала в себе две основные философские концепции, которые изучал и развивал Булгаков в период 1890–1900-х гг., – марксизм и софиологию. Она стала одним из самых убедительных доказательств его известного утверждения о том, что марксизм как последнее и крайнее воплощение идеалов человекобожия с необходимостью должен смениться – и сменяется – идеалом Богочеловечества.

«Философия хозяйства» – докторская диссертация философа, которую он защитил в 1912 г. и которая в том же году была опубликована [2]. В основе труда молодого философа – экономическая проблематика, «философия хозяйства». Размышляя в своей книге о значении марксизма, Булгаков в первую очередь подчеркивает в нем следующее: «Он есть первая попытка философии хозяйства, в нем впервые сознательно поставлена ее проблема, в истории мысли прозвучал новый мотив, навеянный, конечно, не кабинетным умозрением, но жизненными впечатлениями действительности» [3. Т. 1. С. 277].

Молодой философ, прошедший философскую школу марксизма и сформированный в рамках его экономической проблематики, осуществляет в книге свой собственный подход к «хозяйству» – подход с позиций религиозной философии. «Философия хозяйства» является важнейшим этапом становления и оформления его собственной религиозно-философской концепции – софиологии.

Книга должна была иметь подзаголовки «Исследование религиозно-метафизических основ хозяйственного процесса» и состоять из двух частей. В 1912 г. была защищена как докторская диссертация и опубликована только первая ее часть. Вторая часть книги в свет так и не вышла. Однако вот что пишет сам Булгаков по поводу этой ситуации в своей следующей книге «Свет Невечерний. Созерцания и умозрения»: «В настоящей работе основные идеи этого исследования получают дальнейшее развитие и углубление, а также рассматриваются и те вопросы, которые предназначены были для *второй* части «Философии хозяйства» (именно этика и эсхатология хозяйства).

Поэтому хотя формально настоящее сочинение и не является обещанной второю частью, но по существу дела я считаю свое обязательство перед читателем «Философии хозяйства» здесь фактически выполненным» [4. С. 305]. Как известно, именно книга «Свет Невечерний» явила собой целостное и законченное (на определенном этапе) выражение собственной оригинальной религиозно-философской концепции Булгакова, его софиологии.

Ключевую проблематику книги «Философия хозяйства» – «религиозно-экономическую» – Булгаков осмысляет и развивает еще в целом ряде специальных статей, лекций, докладов, написанных несколько раньше или несколько позже самой книги. Они выполняют по отношению к ней роль сопутствующих, уточняющих то или иное ее положение, текстов. Это такие его работы, как «Основные проблемы теории прогресса» (1902), «Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (Параллели)» (1902), «Карл Маркс как религиозный тип» (1906), «Природа в философии Вл. Соловьева (1910) и др.

Во всех без исключения названных работах философ обращается к Ф.М. Достоевскому. Булгаков всегда считал и много писал о том, что творчество писателя – глубинно и истинно софийно.

В «Философии хозяйства» текстам Достоевского отводится крайне важное место.

Так, уже «Предисловие» книги завершается «вещими», по утверждению Булгакова, «словами Ф.М. Достоевского». Такая сильная позиция слова Достоевского обусловлена тем, что оно, по мысли философа, «выражает пафос и устремление» всего его труда: «В напутствие к этой книге, как выражение ее пафоса и устремления, да будет позволено вспомнить вещие слова Ф.М. Достоевского: «Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите! Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах» («Братья Карамазовы», из поучений старца Зосимы).

«Богородица что есть, как мнишь? – Великая мать, упование рода человеческого. – Так, Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость» («Бесы», слова старицы в рассказе Хромоножки)» [3. Т. 1. С. 52].

К «Беседам и поучениям» старца Зосимы Булгаков в течение своей жизни и творчества обращался множество раз, и чаще всего – это процитированные здесь слова старца о любви ко всему Божьему миру: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и далее, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью» [5. Т. 14. С. 289]. Эти слова Зосимы, эти слова Достоевского Булгаков всегда воспринимал как точное, убедительное, яркое выражение самой сути гносеологического «пафоса и устремления» софиологии – пафоса постижения «тайны Божией» в земном мире.

Причем, по мысли философа, наиболее полно эти софиологические идеи воплощены у Достоевского в теме «матери сырой земли»– «Богородицы».

Развернуто и подробно философ пишет об этом, например, в статье «Природа в философии Вл. Соловьева». Здесь Булгаков проделывает специальную работу по соединению нескольких цитат из романа «Братья Карамазовы» в единый текст, в результате чего в статье появляется своего рода «реконструкция» образа «матери сырой земли» Достоевского: «Об этом (о матери сырой земле) поет народная наша песня <...> это Тютчев, Ал. Толстой, Фет <...> это – Достоевский. «Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите! Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью». «Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно и ненасытно люби, всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий. Да не многим дается, а избранным». И когда, верный заветам почившего старца, Алеша в эту великую и таинственную ночь своей жизни, отойдя от святых праха, повергается и плача целует грудь матери-земли, раскрывшейся принять дорогие останки, «как будто нити от всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, соприкасаясь мирам иным... И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты» [3. Т. 1. С. 42].

Как видим, цитата из «Поучений и бесед старца Зосимы», вынесенная в финал Предисловия к «Философии хозяйства», Булгаковым здесь разворачивается дальше – в другие цитаты из Достоевского.

Во-первых, философ обращается непосредственно к проблематике «матери сырой земли» в самих поучениях старца: «В уединении же оставаясь, молись. Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно и ненасытно люби, всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным» [5. 14. 292].

Во-вторых, Булгаков обращается к кульминационному моменту духовного развития Алеши Карамазова – к акту целования земли по завету старца: «Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, и он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и исступленно клялся любить ее, любить во веки веков. «Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои...» – прозвенело в душе его. <...> Как будто нити от всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». <...> Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом <...> И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю

жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час», – говорил он потом с твердой верой в слова свои» [5. Т. 14. С. 328].

Слияние «тайны земной» с «тайной звездной», небесною – вот высший софийный гносеологический смысл булгаковского «дискурса» о «матери сырой земле», который он организует с помощью текстов Достоевского и кульминацией которого, вслед за писателем, делает акт лобызания земли Алешей Карамазовым. «Мать сыра земля» у Булгакова – это предельное выражение софийной проблематики земного мира, пронизанного Божественным присутствием и определяемым Божественным Промыслом о твари.

Именно поэтому вторая цитата из Достоевского в Предисловии к «Философии хозяйства» – это слова старицы женского монастыря, в котором хотела затвориться и Марья Лебядкина: «Сама я хотела тогда затвориться: «А по моему, говорю, Бог и природа есть все одно» <...> А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: «Богородица что есть, как мнишь?» – Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого». – Так, говорит, Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься. И никакой, никакой, говорит, горести твоей больше не будет, таково, говорит, есть пророчество». Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать, сама целую и плачу» [5. Т. 10. С. 116].

«Богородица – великая мать сыра земля есть», «Бог и природа есть все одно», и молитвенный земной поклон, целование земли в молитве – земное, человеческое духовное усилие по связыванию здешнего мира и «миров иных». Так книга Булгакова «Философия хозяйства» начинается проблематикой «матери сырой земли» как проблематикой истинно софийной.

Проблематикой земли книга и заканчивается. Финал книги: «В экономическом материализме остается еще особая жизненная правда, не теоретическая, а практическая, моральная. <...> Под личиной холодного рационализма и теоретической жесткости в нем скрывается грусть человека о самом себе, тоска «царя природы» в плену у стихий этой самой природы, равнодушной, даже враждебной. В этом скорбном учении нашел выражение хозяйственный трагизм человеческой жизни, и в его пессимизме есть глубокая искренность и правдивость. Над человеком тяготеет проклятие, говорит экономический материализм, ибо что же как не проклятие – эта неволя разумных существ у мертвой, неосмысленной, чуждой нам природы, эта вечная опасность голода, нищеты и смерти. <...> Такова тоска, которая слышится в экономическом материализме <...> Это та правда, которая высказана на первых же страницах Книги Бытия человеческого рода как слово Божьего гнева и Божьего суда над согрешившим человеком и всей тварью: «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе... В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (Бытия 3, 17–19)» [3. Т. 1. С. 297].

На смену софийной гармонии земли и неба Предисловия, реализованной с опорой на тексты Достоевского, в финале «Философии хозяйства» прихо-

дит понимание «трагизма человеческой жизни», обусловленного совершенно иным, чем это было у Достоевского, представлением о соотношении человека и природы. Человек мнит себя «царем природы», воспринимая ее исключительно материалистически как «мертвую, неосмысленную, чуждую», «равнодушную, даже враждебную». Отсюда – «над человеком тяготеет проклятие <...> ибо что же как не проклятие – эта неволя разумных существ у мертвой, неосмысленной, чуждой нам природы».

Свою «Философию хозяйства» Булгаков завершает «словом Божьего гнева и Божьего суда над согрешившим человеком и всей тварью: «Проклята земля за тебя». См.: «17. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от древа, о котором Я заповедал тебе, сказав: «Не ешь от него», проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. 18. Терние и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой. 19. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Книга Бытия 3, 17–19).

Философ особо подчеркивает именно вину самого земного человека, и вину первородного его греха, и вину современного человека эпохи «экономического материализма», за трагический разрыв между ним и землей, на которой он хозяйствует.

Итак, что такое «философия хозяйства» по Булгакову – это хозяйственная жизнь человека на той земле, которая «проклята за него», или это труд на груди у «великой матери сырой земли», с которой человек связан молитвенным поклоном и целованием?

Именно эти вопросы, в сущности, и организуют проблематику книги Булгакова. Философ утверждает: «В пределе человек может хотеть все и мочь все: он может быть подобием Божиим и участвовать в «возделывании Эдема», и может растлить землю, став только «плотью», как предопотопное человечество...» [3. Т. 1. С. 236]. Такие два пути, два способа хозяйствования философ предлагает современному человеку.

При этом второй путь хозяйствования, «растление земли», философ связывает с марксизмом, с «экономическим материализмом» Карла Маркса.

Размышляя о нем, Булгаков вновь актуализирует художественный опыт Достоевского. Он в основном остается в круге проблематики романа «Братья Карамазовы», но теперь на смену Алеше приходит Иван.

Давая в самом начале «Философии хозяйства» общее описание материализма вообще, Булгаков замечает: «В нем дорого лишь основное его настроение, бунт против мертвящего рационализма, но «одним бунтом жить нельзя» (Достоевский)» [3. Т. 1. С. 68].

Все отсылки к образу Ивана Карамазова у Булгакова восходят к одному и тому же эпизоду «Братьев Карамазовых», а именно, к главе «Бунт»: «...а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка <...> Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю.

– Это бунт, – тихо и потупившись проговорил Алеша.

– Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова, – проникновенно сказал Иван. – Можно ли жить бунтом, а я хочу жить» [5. Т. 14. С. 223].

В статье «Карл Маркс как религиозный тип» Булгаков следующим образом характеризует немецкого мыслителя: «Теоретическое игнорирование личности, устранение проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории необыкновенно характерно <...> для Маркса. <...> И уже тем более Марксу не представлялась возможной разъедающая критика «подпольного человека» Достоевского, который, в числе других прав, отстаивает естественное право на... глупость и прихоть, лишь бы «по своей собственной глупой воле пожить <...> Ему непонятны и чужды муки Ивана Карамазова о безысходности исторической трагедии, его опасные для веры в социологическое спасение человечества вопрошания о цене исторического прогресса, о стоимости будущей гармонии, о «слезинке ребенка» [3. Т. 2. С. 244–247].

Ивану Карамазову Булгаков посвятил специальную статью «Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип». Здесь обращает на себя внимание не только определенная «рифма» названий статей философа о Карле Марксе и Иване. Если в первой из них, как было показано выше, от личности Карла Маркса Булгаков переходит к Ивану Карамазову, то во второй он пытается разъяснить тип личности Ивана Карамазова, апеллируя при этом к определенному высказыванию Карла Маркса: «Будущая гармония социализма покупается здесь неизбежно жертвой страданий капитализма: «муки родов» нового общества, по известному сравнению Маркса, неустранимы. Следовательно, с полным правом и с полной силой и здесь можно поставить вопрос Ивана о цене будущей гармонии» [3. Т. 2. С. 30].

Более того, Булгаков сопровождает данное свое размышление следующей сноской: «Для меня лично этот карамазовский вопрос существовал в пору наибольшего увлечения марксизмом» [Там же].

Так бунт Ивана Карамазова Булгаков интерпретирует не как бунт человека, который, по Достоевскому, «мира-то Божьего не принимает и не может согласиться его принять» [5. Т. 14. С. 214], но в первую очередь как бунт против того мира, который нарисован и описан Карлом Марксом, мира экономического материализма и социализма.

В целом софийное наследие Достоевского актуализируется в книге Булгакова для того, чтобы быть противопоставленным «экономическому материализму» Карла Маркса, его концепции хозяйствования человека среди «растленной» им природы.

Литература

1. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: сб. статей. М.: 1903.
2. Булгаков С. Философия хозяйства. Ч. 1: Мир как хозяйство. М.: Путь, 1912.
3. Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993.
4. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.